

В. С. Вахштайн

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ: «КРИЗИС ПЕРЕПРОИЗВОДСТВА»?

Аннотация

Говоря о проблемах гуманитарного образования, о его упадке в современных условиях, мы все чаще переходим на язык, взятый из далеких от гуманитарности, по крайней мере в ее классическом понимании, сфер. В ход идут даже «метафоры рыночного обмена». Язык гуманитариев явно нуждается в корректировке, в подлинном развитии и обогащении. Неоценимую помощь в решении этого вопроса, как и многих других, им могут оказать книги из серии «Университетская библиотека Александра Погорельского».

Производство гуманитарного знания в современной России – тема благодатная и актуализированная многочисленными интеллектуальными дискуссиями¹. Несмотря на принципиальные различия в идеологических и теоретических позициях дискутирующих сторон, общим местом публичного обсуждения этой темы остается вывод об «упадке гуманитарного образования»: крайний утилитаризм современной вузовской системы не оставляет места подлинно универсальной классической образованности, а значит, и безнадежно «неактуальной» гуманитарности. На фоне пессимистических прогнозов явное оскудение некогда бурного потока издаваемой литературы по социальным и гуманитарным наукам выглядит весьма симптоматичным. Еще более симптоматичным представляется «закат фондов» – прекращение поддержки западными финансовыми структурами масштабных переводческих проектов (и плавное сворачивание деятельности самих этих структур).

Справедливость подобных рассуждений трудно оспорить. «Негуманитарность» эпохи витает в воздухе; в каких бы терминах ни определялась сама эта эпоха, в какой бы сфере ни усматривались причины нового интеллектуального кризиса (связываемого то с политической, то с экономической трансформацией), «конец гуманитарности» выглядит несомненной приметой времени. Впрочем, и сами эти дискуссии – примета времени. Уже потому, что к гуманитарному знанию в них применяются далеко не «гуманитарные» метафоры.

Отметим лишь самые востребованные из них: *метафора производства* («университет, как фабрика по производству классического гуманитарного образования...»), *метафора рыночного обмена*

¹ См.: Негуманитарная эпоха. Интервью с А. Ивановым // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2006; Гуманитарное образование: порча изнутри. Интервью с А. Россиусом // Русский журнал, 12.02.2005; Покровский Н. Е. Гуманитарность в облатках // Русский журнал, 20.04.2006.

(«оскудение рынка гуманитарной продукции есть закономерное следствие кризиса ее перепроизводства в 90-х годах»), *метафора конструирования* («гуманитарное знание, как и всякое знание, есть социальный конструктор, а потому изменение расстановки сил в академическом поле неизбежно влечет за собой переоценку ценностей»). Три этих способа представления гуманитарности в публичном дискурсе образуют замкнутую и консистентную метафорику: гуманитарное знание «конструируется», «производится» и «продается»². Проблема, соответственно, видится в том, что производится оно в малых количествах (и, очевидно, низкого качества), конструируют его «не те» акторы, и продается оно довольно плохо. Отсюда – кризис.

Нет никаких формальных императивов, требующих рассмотрения гуманитарного знания исключительно в категориях гуманитарных наук и запрещающих его анализ в терминах производства и продажи. Индустриальная метафорика ничуть не хуже, например, метафоры дискурса (в которой «кризис гуманитарности» представляется через призму деградации самого языка публичной интеллектуальной дискуссии). В конечном счете диагноз не пишется на языке больного, обсуждение состояния гуманитарного знания – не обязательно «гуманитарно». Смущает другое. В многочисленных рассуждениях о «затхлом климате» современной негуманитарной эпохи, подавляющей рефлексивность и лишаящей неутилитарное знание права на существование, происходит подмена *интеллектуального кризиса институциональным*. Упадок гуманитарного знания мыслится исключительно как упадок социальных институтов, гарантировавших ранее его «производство», «распространение» и «потребление», – классических университетов, интеллектуальных журналов, специализированных издательств и, что немаловажно, фондов. Как будто обсуждается не кризис идей, не деградация самого гуманитарного мышления, а исключительно распад инфраструктуры социального производства знания. (Впрочем, и о кризисе гуманитарного мышления тоже идет речь, но, скорее, как о результате распада «индустрии гуманитарности».)

Что стоит за таким негуманитарным описанием упадка гуманитарности? Прежде всего, привычный, глубоко укорененный в российском публичном дискурсе вульгарный социологизм. Со времен Мангейма (а в действительности – раньше) аксиомой социологии знания считается институциональная детерминация – знание не существует вне институтов его производства и практик потребления. А значит, судить о нем следует по состоянию этих институтов. Соответственно, не сами тексты, но социальные формы их бытования приковывают к себе внимание и становятся предметом многочисленных описаний³.

² См.: Кемеров В. Е. Взаимодействие социально-гуманитарных дисциплин // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 84–88.

³ Яркий пример такого способа рассуждения о кризисе социальных и гуманитарных наук как кризисе социальных механизмов производства гуманитарного знания см.: Гудков Л. Д. О ценностных основаниях и внутренних ориентирах социальных наук // Пути России: проблемы социального познания. М.: МВШСЭН, 2006; Дубин Б. В. Беспроblemность, симуляция, технологизм: общественные науки в современной России // Пути России: проблемы социального познания. М.: МВШСЭН, 2006.

Другое основание дегуманизации дискурса о гуманитарности и господства индустриальной метафоры – отношение к гуманитарному знанию как к бесконечно тиражируемому продукту, предназначенному для массового потребления. Гуманитарное знание утратило свою элитарность, и, говоря о кризисе его производства, мы прежде всего имеем в виду кризис его *массового* производства – производства для «широкого круга» читателей и больших студенческих аудиторий⁴.

То, что к гуманитарному знанию вообще и к его кризису в частности стала применима метафора массового производства, во многом результат стремительного стихийного просвещения 90-х, когда на поток были поставлены сокровенные «образцы» гуманитарности. Когда эксклюзив выходит в тираж, он становится «каноном», схематизируется, уплощается и эксклюзивом быть перестает. Дефицит гуманитарности начинается именно как дефицит эксклюзивного гуманитарного знания и эксклюзивного же гуманитарного образования. Собственно, отсюда ощущение «перепроизводства» гуманитарности в предыдущем десятилетии и эсхатологические настроения в настоящем. И отсюда же – все усиливающаяся тенденция к отысканию новых, «немассовых» форм гуманитарности.

Волна всего изданного в 90-е годы прокатилась по интеллектуальному ландшафту страны, взорвав прежнюю, почти застойную тишину библиотек, прошла сквозь учебные планы, выбросив на берег университетских программ тексты заново открытых классиков, и откатилась. Что из принесенного ею – бесценные сокровища мысли, а что – пена, мусор и обломки давно затонувших теорий, станет понятно через пять-десять лет. Пока ясно одно: волна эта откатилась безвозвратно, десятилетие стихийного просвещения закончилось, и сегодняшним издательским проектам (еще одно слово, подсказанное рыночной метафорой) приходится искать новые формы жизни в ареале гуманитарной мысли.

Что собой представляет сегодня «возврат к эксклюзиву» в издании гуманитарной литературы? Как проявляется отказ от «массового производства» канонических текстов и стоящих за ним идеалов эпохи стихийного просвещения? Каково место этой формы знания в наличных условиях книжного рынка? Попробуем ответить на эти вопросы, проиллюстрировав обозначенную тенденцию примером одной книжной серии.

На первый взгляд, книжная серия «Университетская библиотека Александра Погорельского» (выпускаемая издательским домом «Территория будущего») лишь продолжает просвещенческую традицию 90-х: тезисы, лежащие в основании ее концепции, мало чем отличаются от тезисов, скажем, приснопамятного «Translation Project» фонда Сороса. Сформулированная руководителем проекта

---

⁴ См.: Классическое образование в современном мире. Интервью с А.М. Руткевичем // Платное образование. 2005. № 9 (35).

«Университетская библиотека» Александром Погорельским задача *«издать на русском языке произведения отечественной и зарубежной гуманитарной мысли, необходимые для университетского образования и академической научной работы, а также бесплатно разослать все изданные книги по библиотекам России»* велика и благородна, но, откровенно говоря, неоригинальна. Во все просветительские проекты времен «издательского бума» был заложен этот обязательный минимум гуманитарной образованности – перевод бесспорных классиков и возвращение к жизни несправедливо забытых, но столь же бесспорно значимых отечественных мыслителей.

Представление об универсальной ценности издаваемой литературы задает ориентацию на предельно широкую целевую аудиторию: *«...вошедшие в серию книги адресованы студентам, преподавателям вузов, аспирантам, научным работникам, политикам, общественным деятелям»*. Складывается впечатление, что отечественный издательский дом просто принимает эстафету у сошедших с дистанции западных фондов в деле просвещения российской публики.

Однако впечатление это ошибочно. «Университетская библиотека Александра Погорельского» – проект, далекий от издательских идеалов 90-х. Никакой ориентации на «образовательный минимум», никакого дидактично-назидательного воспроизводства бесспорного «канона», представляющего интерес в равной мере и для аспирантов, и для общественных деятелей, и для представителей политической элиты. (Как раз в переводах подобных работ недостатка в последние десять-пятнадцать лет не было – издавались они огромными тиражами и распространялись повсеместно; вспомним карманные издания Ницше и Фрейда.) Трудно представить себе общественного деятеля, зачитывающегося «Избранными сочинениями» Франца Brentano. Или депутата, листающего в перерыве между парламентскими заседаниями тексты Вернера Зомбарта. Да и «Философия денег» Георга Зиммеля – книга не для широкой аудитории: чтобы разобраться в зиммелевских философских мотивах осмысления современности, нужно находиться в контексте современной ему интеллектуальной дискуссии и ориентироваться в более ранних его социологических работах.

Книги серии «Университетская библиотека» ценны именно сочетанием эксклюзивности и фундаментальности. Это высококачественная и не предназначенная для широкого потребления интеллектуальная продукция. Изданные тексты перекликаются друг с другом, в совокупности образуя довольно внятное языковое пространство, но пространство это укромно, оно не является «общим местом». Поэтому книги серии не восполняют пробелы, оставленные волной прежних многочисленных публикаций по гуманитарной тематике; они, скорее, призваны реорганизовать этот массив, задать новые стандарты качества и новые каноны аргументации в дискурсе гуманитарных наук. Действительно ли создатели серии планировали такую «игру на повышение» или искренне

рассчитывали продолжить традицию издавать лишь самое необходимое, бесспорно классичное и очевидно востребованное, уже не столь важно. Изданные книги говорят сами за себя.

Идея издания «Университетской библиотеки» – серии работ по социальным и гуманитарным наукам, наиболее полно воплощающих «дух университетского знания», – принадлежит Валерию Анашвили, который в середине 90-х годов обратился с таким предложением в российское представительство фонда Дж. Сороса. Тогда же, благодаря поддержке и участию Ирины Савельевой, эта программа была запущена, став первым в истории фонда издательским проектом, инициированным в самой стране реализации. Однако «издательский бум» уже заканчивался, просветительская волна неумолимо отступала, и проект вскоре прекратил свое существование. Новая его жизнь связана с именем руководителя издательского дома «Территория будущего» А. Погорельского.

Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского» запущена в 2005 году и рассчитана на десять лет. Это масштабный проект, унаследовавший, в частности, проекты закрывшегося в прошлом году издательства «Дом интеллектуальной книги» (В. Анашвили). В серии предусмотрено четыре магистральных направления: «Философия», «Социология. Политология», «История. Культурология» и «Экономика». Уже в первый год реализации программы были опубликованы «Анализ ощущений» Э. Маха, «Избранные сочинения» Э. Гуссерля (куда вошли «Идеи к чистой феноменологии», «Интенциональные предметы», «Парижские доклады», «Амстердамские доклады» и некоторые другие тексты), «Избранные работы» Л. Витгенштейна («Логико-философский трактат», «Коричневая книга», биографический очерк). В социологической серии – «Социология революций» П. Сорокина, в исторической – «Обзор истории русского права» М. Владимирского-Буданова. Серия «Экономика» была представлена «Избранными сочинениями» В. Зомбарта и работой К. Менгера «Основания политической экономии».

В том же 2005 году был издан двухтомник избранных статей журнала «Логос» (1991–2005) и репринт Международного ежегодника по философии культуры «Логос» (1910–1914, 1925), тт. 1–9 (плюс один том дополнительных материалов: библиография, история проекта, рецензии 1910–1914). Это первое полное переиздание журнала, выходявшего в дореволюционный период под редакцией Э. Метнера, Ф. Степуна, С. Гессена и – с 1911 года – Б. Яковенко. В «Логосе» тогда печатались наиболее известные философы и мыслители Европы начала XX века.

В 2006 году программа стала заметно масштабнее. Была переиздана «Философия в систематическом изложении» (1909) – работы В. Дильтея, А. Рилья, В. Оствальда, В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Мюнха, Т. Липпса. Публикуются избранные тексты Франца Brentano и Пауля Наторпа, «Что зовется мышлением?» М. Хайдеггера и «Избранные работы» М. Каринского.

Готовится к выходу книга «Венский кружок и журнал «Erkenntnis»». На социологическом и политологическом направлении – «Философия денег» Г. Зиммеля, «Город как социологическая лаборатория» Р. Парка, «Миросистемный анализ: Введение» И. Валлерстайна, «Национализм» К. Калхуна, «Долгий двадцатый век» Дж. Арриги, а также избранные работы К. Шмитта. В серии «История. Культурология» опубликована книга В. Лейбина «Постклассический психоанализ» (энциклопедия в 2-х томах), «Анналы» (избранное в 2-х томах), книги А. Кизеветтера «Исторические очерки», В. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти», А. Лаппо-Данилевского «Методология истории. Теория исторического знания».

Все эти работы либо уже опубликованы, либо выйдут в свет до конца года. Авторы проекта зарегистрировали домен www.universbook.ru, где в скором времени читатели смогут ознакомиться и с книгами, и с рецензиями на них. Изданные работы уже сейчас бесплатно распространяются в России и СНГ, четыреста экземпляров каждой книги рассылаются по университетским и научным библиотекам.

По каким критериям отбираются тексты? Издаются а) книги русских ученых дореволюционного периода; б) работы европейских и американских авторов XIX – начала XX века, плохо известные отечественному читателю, но заметные в пространстве современной интеллектуальной дискуссии; в) популярные и актуальные в настоящий момент теоретические исследования. В качестве консультантов и кураторов направлений выступают известные в своих областях российские (А. Филиппов, В. Куренной) и западные ученые (профессора американских и швейцарских университетов).

Некоторые из изданных в серии «Университетская библиотека» книг действительно ориентированы на широкую студенческую аудиторию: например, готовящийся к публикации сборник работ Роберта Парка «Город как социальная лаборатория». Его выхода в свет с нетерпением ожидает армия аспирантов-социологов, чьи представления о классиках Чикагской школы социологии пока смутны и размыты. Энциклопедия постклассического психоанализа В. Лейбина – несомненно, востребованный в учебном процессе труд, который пользуется спросом и у студентов, и у преподавателей. Но что касается основного массива изданных работ – их трудно причислить к «обязательной программе» и «азам гуманитарного знания». Это книги, будоражащие воображение именно своей неоднозначностью. Интерес к ним вызван либо прорывным характером текстов, находящихся сейчас на острие интеллектуальной дискуссии (Дж. Арриги, К. Калхун), либо их пограничным положением в корпусе гуманитарной классики (К. Шмитт, В. Зомбарт). И в том и другом случае речь идет о работах, весьма далеких от канонизации.

Например, «Философия денег» Георга Зиммеля, изданная в серии «Социология», могла бы быть с равным успехом издана в сериях «Философия» или «Экономика». Хотя этот текст принадлежит перу классика социологической мысли, он написан им уже

в постсоциологический период. Зиммель-социолог переведен на русский язык весьма основательно, Зиммель-философ – почти неизвестен. «Философия денег» – пожалуй, самая неоднозначная из его «поздних» работ, абсолютно не вписывающаяся в канон социологической дисциплины (и, вероятно, поэтому долгое время оставшаяся непереуведенной). Тем больше внимания современных социальных теоретиков она привлекает, и тем менее традиционные ее сегодняшние интерпретации⁵.

Нечто подобное можно сказать и о работах Вернера Зомбарта. Наиболее полная статья, посвященная его творчеству, называется «Почему Вернер Зомбарт не принадлежит к числу классиков социологии?»⁶. В «Университетской библиотеке» Зомбарт издан в серии «Экономика», а автор предисловия к его «Избранным работам» А. М. Руткевич справедливо замечает, что «он был в первую очередь историком»⁷. Зомбарт – и социолог, и историк, и экономист, но это отнюдь не означает, что он является бесспорным авторитетом во всех трех дисциплинах. Скорее, его работы остаются вызовом для каждой из них, и в этом причина неослабевающего к ним интереса.

Другой «вызывающий» автор, некогда преданный забвению по политическим мотивам, – Карл Шмитт, чьи «Избранные работы» готовятся к выходу. Влияние Шмитта на философию права, социологию и политическую мысль неоспоримо, однако положение, занимаемое им в пантеоне социальных наук, – это положение «чужака». Назвать его классиком «мейнстрима» довольно сложно.

Невозможность четко идентифицировать дисциплинарную принадлежность авторов и связанные с этим трудности рубрикации их трудов лишь иллюстрируют общую неоднозначность и нелинейность изданных работ. Другая иллюстрация – обращение к «забытым именам». Например, Ф. Хайек так начинает свою статью, посвященную творчеству К. Менгера (и предваряющую изданную в серии «Экономика» книгу Менгера «Основания политической экономии»): «История экономики полна рассказов о забытых предшественниках, людях, чьи труды не оказали никакого влияния и были заново открыты только после того, как их главные идеи стали популярными благодаря другим людям, о поразительных совпадениях одновременных открытий и необычной судьбе отдельных книг. И ни в экономике, ни в любой другой области знания почти не случается такого, чтобы работы автора, который революционизировал корпус уже развитой науки и получил соответствующее признание, оставались столь же малоизвестными, как работы Менгера»⁸. Этими словами можно охарактеризовать добрую половину авторов, чьи труды изданы в серии «Университетская библиотека Александра Погорельского».

⁵ Weinstein M., Weinstein D. Postmodernized Simmel. London: Rotledge, 1993.

⁶ Grundmann R., Stehr N. Why is Werner Sombart not a part of the core of classical sociology? L.: Sage, 2001. Vol. 1 (2).

⁷ Руткевич А. М. Предисловие // Вернер Зомбарт Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 7.

⁸ Хайек Ф. А. Карл Менгер (1840–1921) // Карл Менгер. Основания политической экономии. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 11.

«Университетская библиотека» – серия, направленная на стимулирование современной интеллектуальной дискуссии. От просветительских проектов прежних лет ее отличают именно неоднозначность и неконвенциональность публикуемых текстов, расшатывающих самоочевидность уже устоявшегося канона.

Чем менее каноничны издаваемые в серии «Университетская библиотека» книги, тем больший интерес читающей публики они вызывают. Этот интерес подстегивают не бесспорные и всеми признанные работы, цементирующие существующий канон социально-гуманитарной мысли, а, напротив, неоднозначные и крайне неудобные тексты классических и современных авторов. Предназначение таких текстов – развитие академического воображения, повышение чувствительности к тонким различиям (сенсибилизация гуманитарных дисциплин), обозначение пределов традиционных способов представления мира, экспликация аксиом и превращение их в проблемы. Книги, изданные в «Университетской библиотеке», это, скорее, тексты «фронтала», а не «мейнстрима». Вероятно, поэтому выходящие в свет работы Г. Зиммеля, В. Зомбарта, К. Шмитта (ряд может быть продолжен) довольно плохо сочетаются с просветительской риторикой – они оставляют гораздо больше вопросов, чем ответов и плохо подходят для целей ликвидации гуманитарной безграмотности. (Для этого нужно издавать не Зомбарта, а Вебера и не «Философию денег» Зиммеля, а его большую «Социологию».)

Издательский бум и стихийное просвещение 90-х установили довольно жесткую границу между «необходимой» и «второстепенной» литературой, высвечивая одни имена, затемняя другие. Свет прожектора не оставляет полутеней – все, что не попадает в освещенный круг, выпадает из поля зрения. Поэтому в повседневном обиходе отечественных социальных и гуманитарных наук имя Э. Гуссерля, например, репрезентирует всю феноменологию как таковую, сама феноменология представляется монолитным концептуальным сооружением, а знания о феноменологическом интеллектуальном движении – именно как о движении, в котором сосуществуют и противоборствуют различные течения, – остаются обрывочными. Чтобы расшатать очевидность канона, нужно вернуть в «живое настоящее» гуманитарной дискуссии работы забытых философов-феноменологов – предшественников, соратников, оппонентов и учеников Гуссерля. (Кстати, в первом томе сборника статей журнала «Логос» издан исключительно значимый в этом отношении доклад Адольфа Райнаха «О феноменологии» – по сути, теоретическая программа малоизвестного в России направления «реалистической феноменологии». Другой ценный текст – «Эстетика» Теодора Липпса, лидера Мюнхенской школы феноменологии, – входит в сборник «Философия в систематическом изложении».) Такое обращение к менее «каноничным» авторам может показаться неоправданным, но только если придерживаться просветительской максимы: «учить азам».

Впрочем, проблематизация канона – не самоцель. Обращение к авторам забытым, провокативным, неоднозначным нужно не для того, чтобы придать универсальную ценность работам, которые пока такой ценностью не обладают. Речь идет не о «борьбе за канон» и не о капитализации неких символических ресурсов. Скорее, задача в обогащении языка гуманитарной дискуссии. В конечном счете каждый серьезный гуманитарный текст – это ресурс воображения и представления мира. Есть надежда, что использование предложенных «Университетской библиотекой» ресурсов послужит обновлению самого гуманитарного дискурса о гуманитарности.